

Элизабет Вернер

Винета

Элизабет Вернер

Винета

«Public Domain»

1877

Вернер Э.

Винета / Э. Вернер — «Public Domain», 1877

«Жаркий летний день клонился к вечеру. Солнце уже зашло, и только заря алела на горизонте, бросая сверкающий отблеск на почти совершенно неподвижное море, которое, еле зыблясь, поглощало последние лучи гаснущего дня...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	29
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эльза Вернер

Винета

Глава 1

Жаркий летний день клонился к вечеру. Солнце уже зашло, и только заря алела на горизонте, бросая сверкающий отблеск на почти совершенно неподвижное море, которое, еле зыблясь, поглощало последние лучи гаснущего дня.

В курортном городке Ц., на берегу моря, немного в стороне от места, где в это время дня собиралось шикарное и пестрое общество, стояла простая дачка. Она отличалась от других, большей частью гораздо более роскошных домов только красотой своего местоположения, так как из ее окон открывался великолепный вид на море.

На пороге открытой стеклянной двери, выходящей на балкон, стояла дама в трауре. Она была высокого роста, держалась прямо и могла еще считаться красивой, хотя достигла уже почтенного возраста. Ее лицо со строгими, правильными чертами, вероятно, никогда не отличалось миловидной привлекательностью, но, быть может, именно благодаря этому годы и не могли отнять его холодную, суровую красоту. Черное платье и креповая вуаль указывали на тяжелую утрату, понесенную, по-видимому, совсем недавно, но не было следов пролитых слез в глазах и выражения мягкости в энергичных чертах. Если эту женщину и постигло горе, то оно, вероятно, не глубоко затронуло ее или она уже сумела его побороть.

Возле дамы в трауре стоял господин, также отличавшийся благородной внешностью. Он был, вероятно, лишь на несколько лет старше женщины, но по виду ему можно было дать лет на десять больше, так как время и жизнь не прошли для него бесследно. Его темные волосы уже местами поседели, лоб был покрыт глубокими морщинами, а взгляд имел мрачное, угрюмое выражение, передававшееся всему лицу этого человека. Он с напряженным вниманием смотрел на море, но вдруг нетерпеливо отвернулся и воскликнул:

– Все еще не видно! Они вряд ли вернутся до захода солнца.

– Тебе следовало заранее предупредить нас о своем возвращении – проговорила дама. – Мы ждали тебя лишь через несколько дней. Впрочем, лодку нельзя будет увидеть раньше, чем она обогнет вон тот лесистый мысок, а тогда уже через несколько минут она будет здесь. – Дама вошла в комнату и обратилась к слуге, вносившему в одну из прилегающих комнат несколько чемоданов: – Спустись к морю, Павел, и, как только лодка молодых господ причалит, доложи им, что приехал граф Моринский.

Слуга вышел. Граф Моринский, покинув свой наблюдательный пост на балконе, вернулся в комнату и сел рядом с дамой.

– Прости мое нетерпение, – сказал он, – я должен был бы пока удовлетвориться свиданием с сестрой, но ведь я не видел своего ребенка целый год.

– Положим, тебе не придется увидеть «ребенка». В этом возрасте год очень много значит; Ванда обещает стать красавицей.

– А ее духовное развитие? В письмах ты все время очень одобрительно высказывалась по этому поводу.

– Без сомнения. Мне приходилось скорее сдерживать, чем подгонять ее. Но дело не в этом. Ванда обладает сильно выраженным упрямством и всегда умеет настоять на своем. Иногда мне даже силой приходилось принуждать ее к послушанию, так как она очень склонна к неповиновению.

– Странный упрек из твоих уст! Всегда иметь свое мнение и во всем поступать по-своему – это, кажется, преобладающая черта твоего характера и вообще свойство всей нашей семьи.

– Которое, однако, ни в коем случае недопустимо у шестнадцатилетней девушки, потому что здесь оно проявляется лишь в виде упрямства и капризов, – перебила графа сестра. – Могу наперед сказать, что тебе еще не раз придется бороться с этим.

Такой оборот разговора был не особенно приятен графу.

– Я знаю, что не мог оставить свою дочь в более надежных руках, чем твои, – уклончиво ответил он, – а потому вдвойне радуюсь, что теперь, когда я снова беру Ванду к себе, ей не придется совершенно лишиться твоего общества. Я не думал, что ты решишься возвратиться так скоро после смерти мужа, и предполагал, что ты останешься в Париже, по крайней мере, до тех пор, пока Лев получит образование.

– Я никак не могла привыкнуть к Парижу, несмотря на многолетнее пребывание там. Участь изгнанников незавидна, ты знаешь это из собственного опыта. Князь Баратовский, конечно, не мог возвратиться на родину, но его вдове и сыну нельзя запретить этого. Поэтому я безотлагательно и приняла такое решение. Лев должен, наконец, подышать родным воздухом, чтобы почувствовать себя истинным сыном своей родины. Он является теперь единственным представителем нашего рода. Правда, он еще очень молод, но он должен повзрослеть и привыкнуть к обязанностям и задачам, которые возложены на него после смерти отца.

– Где ты думаешь поселиться? – спросил граф. – Ты знаешь, мой дом в любое время...

– Я это знаю и очень благодарна тебе, но для меня теперь важнее всего обеспечить будущее Левы и дать ему возможность занять положение в свете, подобающее его имени. В последние годы это было довольно тяжело, теперь же стало совершенно невозможно. Тебе известно наше материальное положение, и ты знаешь, каких жертв стоило нам наше изгнание. Необходимо что-нибудь предпринять. Ради своего сына я решилась сделать шаг, которого никогда не сделала бы для себя. Ты не догадываешься, почему я своим летним местопребыванием избрала именно Ц.?

– Нет, но меня это удивило. Имение Витольда находится всего в двух часах езды отсюда, и я думал, что ты скорее будешь избегать подобной близости. Может быть, ты в последнее время поддерживаешь отношения с Вольдемаром?

– Нет, – холодно ответила княгиня, – я не видела его с тех пор, как мы уехали во Францию, и не получала от него ни строчки. Он все это время не нуждался в матери.

– Как и мать в нем, – заметил граф.

– Что ж, по-твоему, мне следовало riskовать подвергнуться унижению, встретив отказ? – с легким раздражением спросила княгиня. – Витольд с самого начала относился ко мне враждебно и всегда самым оскорбительным образом пользовался своими неограниченными правами опекуна в ущерб мне. Я бессильна по отношению к нему.

– Однако он вряд ли решился бы запретить тебе, видеться с Вольдемаром; твоих материнских прав в этом отношении вполне достаточно, если бы ты только захотела воспользоваться ими; насколько мне известно, ты ни разу не сделала этого. Будь откровенна, Ядвига, ты никогда не любила своего старшего сына.

Ядвига ничего не ответила на этот упрек. Она молча оперлась головой на руку.

– Я понимаю, что Вольдемар не может занять первое место в твоём сердце, – продолжал граф, – это сын нелюбимого, силой навязанного тебе человека; он напоминает тебе брак, который до сих пор вызывает в тебе озлобление. Лев же – дитя твоего сердца, твоей любви.

– А его отец никогда не подавал мне ни малейшего повода для жалоб, – с ударением добавила княгиня.

– Да, но ты совершенно подчинила себе Баратовского. Впрочем, сейчас не об этом речь. У тебя есть какой-нибудь план? Ты хочешь возобновить прежние, забытые отношения?

– Я хочу воспользоваться правами, которых меня лишило злополучное завешание Нордека, в котором каждая строка была продиктована ненавистью ко мне и которое лишило меня, как вдову и как мать, каких бы то ни было прав. До сих пор оно имело полную силу, но признавало Вольдемара совершеннолетним после достижения двадцати одного года. Недавно ему исполнился двадцать один год, и теперь он – сам себе хозяин. Мне хочется знать, допустит ли он, чтобы его мать искала приюта у родственников, в то время как сам считается одним из богатейших помещиков во всем округе. Стоит ему сказать одно слово, чтобы обеспечить мне и своему брату приличное существование в одном из его имений.

Граф недоверчиво покачал головой.

– Ты рассчитываешь на чувство со стороны этого сына? Я боюсь, что ты ошибаешься. Он с самого раннего детства был чужим тебе и вряд ли его научили любить мать. Я видел его только мальчиком, и он произвел на меня самое неблагоприятное впечатление. Я знаю только одно: уступчивым он никогда не был.

– Я это тоже знаю. Он – сын своего отца, так же необуздан и суров, как Нордек, и ему недоступно все возвышенное; уже мальчиком он во всем был похож на отца, и то, что дала ему природа, вероятно, еще усилилось от воспитания такого опекуна, как Витольд. Я несколько не обманываю себя относительно характера Вольдемара, но все же думаю, что можно будет повлиять на него. Натуры, стоящие низко по своему духовному развитию, в конце концов, всегда подчиняются натурам высшим, если только уметь воспользоваться этим превосходством.

– А разве ты сумела подчинить себе его отца? – серьезно спросил брат.

– Ты забываешь, Бронислав, что тогда я была семнадцатилетней неопытной девушкой, не знавшей людей. Теперь я справилась бы и с таким характером и сумела бы подчинить его себе. По отношению к Вольдемару на моей стороне еще могущественный авторитет матери. Он подчинится ему.

Несмотря на то, что эти слова были произнесены чрезвычайно решительно, граф отнесся к ним очень недоверчиво; однако у него не хватило времени на возражение, так как в передней послышались поспешные, легкие шаги; дверь открылась с бурной стремительностью, и в нее влетела молодая девушка. Уже в следующую минуту она очутилась в объятиях Моринского, который вскочил и со страстной нежностью прижал дочь к груди.

Княгиня тоже поднялась. По-видимому, она нашла бурное приветствие молодой девушки не совсем уместным, однако ничего не сказала и обратилась к своему сыну, только что вошедшему в комнату.

– Вы очень долго пропадали, Лев; мы уже целый час ожидаем вашего возвращения.

– Прости, мама; но заход солнца на море был так прекрасен, что нам не хотелось пропустить ни одной минуты.

С этими словами Лев Баратовский подошел к матери. Он, действительно, был еще очень молод – лет семнадцати или восемнадцати. Достаточно было одного взгляда на его лицо, чтобы узнать в нем черты княгини; сходство было поразительным, однако молодое лицо Льва, обрамленное темными, слегка вьющимися волосами, имело совсем другое выражение; в нем все обличало огонь и жизнь; в темных глазах сверкала страстность горячего, необузданного темперамента, вся фигура представляла собой такое олицетворение юношеской силы и красоты, что гордость, с которой княгиня подвела сына к дяде, была вполне понятна.

– У Левы нет больше отца, – серьезно произнесла она, – в тех случаях, когда ему понадобятся совет и руководство мужчины, я рассчитываю на тебя, Бронислав.

Граф сердечно и тепло обнял племянника, но отнесся к нему гораздо спокойнее, чем к дочери. Свидание с ней, казалось, оттеснило на задний план все другие впечатления. Его взгляд беспрестанно возвращался к молодой девушке.

Ванда вовсе не была похожа на отца, да и вообще представляла собой совершенно своеобразное существо. Черты ее бледного личика, покрытого лишь слабым румянцем, еще сохра-

нили полудетское выражение. Густые, совершенно черные волосы сильно оттеняли белизну ее кожи, а длинные темные ресницы прикрывали блестящие черные глаза. Действительно, Ванда со временем обещала быть очень красивой; в данную минуту она еще не была красавицей, но зато обладала той своеобразной прелестью, которая присуща некоторым девушкам именно в этом переходном возрасте, еще сохраняющем всю прелесть детства.

Первое волнение свидания прошло, и разговор стал более спокойным. Граф Моринский усадил дочь рядом с собой и, шутя, стал упрекать ее за позднее возвращение.

– Я ведь ничего не знала о твоём приезде, папа, – возразила Ванда, – кроме того, у меня было приключение в лесу.

– В лесу? – перебила ее тетка, – разве ты не была на море вместе со Львом?

– Только на обратном пути, милая тетя. Мы хотели доехать до Букового полуострова. Лев говорил, что по морю туда гораздо ближе, чем по тропинке через лес; я утверждала противное. Мы поспорили и, наконец, решили подтвердить свои доводы доказательствами. Лев поехал на лодке, а я пошла через лес.

– И пришла, когда я уже целых полчаса был на полуострове, – торжественно заявил юноша.

– Я заблудилась, – объяснила молодая девушка, – и, быть может, до сих пор была бы в лесу, если бы меня не вывели.

– Кто же тебя вывел? – спросил граф.

– Леший! – засмеялась девушка, – один из тех духов древних гуннов¹, которые, как говорят, бродят в этих местах. Но теперь ты не должен больше расспрашивать меня, папа. Лев сгорает от нетерпения все разузнать; он всю дорогу мучил меня своими расспросами, а потому не услышит ни одного словечка!

– Выдумка! – со смехом воскликнул юноша, – это только отговорка, чтобы объяснить свое опоздание. Ты скорее согласишься сочинить целую историю, чем признать, что я был прав.

Ванда собиралась ответить на это подтрунивание, но тут вмешалась княгиня. Она резко проговорила:

– Отговорка или нет, но в любом случае эта уединенная самовольная прогулка крайне неуместна. Я позволила тебе покататься по морю в сопровождении Льва и не понимаю, как он мог так надолго оставить тебя одну в лесу.

– Ванда во что бы то ни стало, хотела этого, – стал оправдываться юноша. – Она желала решить наш спор только таким способом.

– Да, милая тетя, *я хотела* этого! – молодая девушка произнесла это слово с таким ударением, которого, вероятно, не разрешила бы себе без спасительного присутствия отца, – и Лев прекрасно знал, что было бы совершенно напрасно удерживать меня.

Лицо княгини ясно выражало, что она и на этот раз находила нужным с полной строгостью противодействовать своенравию племянницы. Она намеревалась сделать ей серьезный выговор, но брат предупредил ее, быстро проговорив:

– Ты позволишь мне взять Ванду с собой? Я чувствую себя несколько утомленным с дороги, и хотел бы пойти в свою комнату. До скорого свиданья! – с этими словами он встал, взял дочь под руку и вышел с ней из комнаты.

– Дядя, кажется, совсем очарован Вандой, – заметил Лев, когда граф и девушка вышли из комнаты.

– Он избалует ее, – вполголоса произнесла княгиня, смотревшая им вслед. – Он окружит ее таким же слепым поклонением, как некогда окружал ее мать; Ванда скоро познает свою власть и научится пользоваться ею. Вот чего я боялась при ее возвращении к отцу. Уже первые часы доказали, что я была права. Что это за приключение в лесу, Лев?

¹ Гунны – тюркские кочевые племена, вторгшиеся в 4 веке в Европу и Азию.

– Не знаю! Вероятно, какая-нибудь выдумка Ванды. Сначала она различными намеками возбудила мое любопытство, а затем наотрез отказалась объяснить что-либо и потешалась над моей досадой. Ты ведь знаешь ее манеру.

– Да, я знаю, – на лбу княгини появилась складка, – Ванда любит играть всеми и давать всем чувствовать свои капризы. Тебе не следовало бы так потворствовать ей в этом, Лев, особенно по отношению к себе.

Молодой человек покраснел до корней волос.

– Я, мама? Да ведь я постоянно ссорюсь с Вандой.

– И, тем не менее, подчиняешься всем ее капризам. Но все это – ребячество; я хотела поговорить с тобой серьезно. Закрой балконную дверь и подойди ко мне!

Юноша повинился; по его лицу было видно, что он чувствовал себя уязвленным, однако княгиня не обратила внимания на настроение сына.

– Ты знаешь, – начала она, – что я уже была один раз замужем, прежде чем отдала свою руку твоему отцу, и что от этого брака у меня есть сын. Ты знаешь также, что он воспитывался в Германии, но никогда еще не видел его. Это должно произойти теперь, ты с ним познакомишься.

Лев с выражением величайшего изумления обернулся.

– С моим братом Вольдемаром?

– С Вольдемаром Нордеком, да! – Ударение, с которым княгиня произнесла это имя, заключало в себе, может быть, невольный, но очень решительный протест против всякой связи между этим Нордеком и потомком рода Баратовских. – Он живет недалеко отсюда, в имении своего опекуна. Я известила его о нашем пребывании здесь и ожидаю его на этих днях.

Недовольство Льва испарилось; предмет разговора, по-видимому, крайне интересовал его.

– Мама, – нерешительно произнес он, – не могу ли я, наконец, более подробно узнать эту мрачную семейную историю? Я знал только, что твой первый брак был несчастлив, что ты совершенно порвала с родными Вольдемара и его опекуном. Однако и это я понял только из намеков дяди и старых слуг. Я никогда не решался задавать отцу или тебе вопросы по этому поводу, так как видел, что это причиняет отцу боль, а тебя сердит. Вы оба, казалось, старались не вспоминать об этом браке.

На лице княгини появилось странное выражение жестокости, и с такой же жестокостью она ответила:

– Без сомнения. Унижения лучше всего предавать забвению. Не спрашивай меня теперь об этом! Тебе известны факты, удовлетвори этим. Я не могу шаг за шагом вводить тебя в семейную драму, о которой до сих пор не могу вспоминать без ненависти к умершему. Я хотела совершенно вычеркнуть эти три года из моей жизни и никогда не думала, что буду вынуждена возобновлять эти воспоминания.

– Но что же заставляет тебя делать это? – поспешно спросил Лев. – Неужели наше возвращение? Мы ведь в любом случае поедем в Раковиц к дяде?

– Нет, мой сын, мы отправимся в Вилицу!

– В Вилицу? Но ведь это – поместье Вольдемара.

– Это поместье было бы моим, если бы не существовало завещания, которое лишило меня наследства. Теперь Вилица принадлежит моему сыну, и там, вероятно, найдется место и для его матери.

– Что это значит? – запальчиво воскликнул Лев. – Неужели ты хочешь унизиться перед Вольдемаром до просьбы! Я знаю, что мы бедны, но соглашусь скорее перенести все, от всего отказаться, чем допущу, чтобы ты ради меня...

Княгиня вдруг встала; у нее был такой вид, что сын невольно замолчал.

– Неужели ты считаешь свою мать способной унижаться? – спросила она. – Разве ты так мало знаешь меня? Предоставь мне позаботиться об этом деле! Тебе незачем указывать мне границы, которые я не должна переступать, я сама знаю их!

Лев молча опустил глаза.

– Неужели эта пылкая голова никогда не научится размышлять спокойно? – мягче спросила мать, подойдя к нему и взяв его за руку. – О, как это необходимо в жизни! Свой план относительно Вольдемара я приведу в исполнение сама. Доверься своей матери!

Она привлекла к себе сына, который молча прижал ее руку к своим губам. Когда она наклонилась к юноше, чтобы поцеловать его, то можно было видеть, что эта холодная женщина умела быть матерью и что Лев, несмотря на всю строгость, с которой она с ним обращалась, был ее кумиром.

Глава 2

– Сделайте мне одолжение, доктор, и бросьте свои вечные причитания! Говорю вам, парня не исправить! Я уже достаточно пробовал, шесть губернеров один за другим помогли мне в этом, и все мы ничего не могли с ним поделать; вам же и подавно не удастся это, а потому предоставьте ему свободу!

С этой речью, произнесенной очень энергичным тоном, помещик Витольд обратился к учителю своего воспитанника.

Разговор происходил в угловой комнате помещичьего дома. Хозяин сидел в кресле у открытого окна, весь окутанный густыми облаками табачного дыма, который он выпускал из красивой трубки. Витольду было лет под шестьдесят, но вид у него был еще очень моложавый. При очень высоком росте и значительной полноте он производил впечатление человека в полном расцвете сил и здоровья, и его мощная фигура и голос представляли резкий контраст с тщедушной фигуркой наставника его воспитанника.

Доктору филологии Фабиану было лет за тридцать; его нельзя было назвать некрасивым, но его лицо носило слишком ясные следы болезненности и тяжелой жизни. Во всем его существе выражались робость и боязливость, которые являлись следствием его подчиненного положения и слышались также в голосе, когда он тихо проговорил:

– Вы знаете, что я обращаюсь к вам лишь в крайних случаях, но на этот раз вынужден прибегнуть к вашему авторитету, потому что совершенно не знаю, как быть.

– Что же опять натворил Вольдемар? О том, что он необуздан, я знаю так же хорошо, как и вы, но решительно не могу помочь вам! Что он убегает от ваших книг и предпочитает охотиться... э... в молодости я делал то же самое. Вся эта премудрость тоже не умещалась в моей голове. Что у него нет манер – ну, так их вовсе и не нужно; мы тут все свои люди, а если когда и приедут соседи, то тоже не соблюдают особых церемоний. Вы это прекрасно знаете и всегда удираете от нашей компании.

– Но подумайте только, – возразил наставник, – если Вольдемар со своим необузданным нравом попадет со временем в другие условия жизни, если он, например, женится...

– Женится! – воскликнул Витольд, прямо-таки оскорбленный подобным предположением. – Он никогда не сделает этого. Зачем ему жениться? Я остался холостяком и чувствую себя прекрасно, а покойный Нордек тоже сделал бы гораздо лучше, если бы не женился. Ну, со стороны Вольдемара, слава Богу, бояться нечего; он избегает всего, что называется женщиной... и очень хорошо делает.

Фабиан подошел на шаг ближе и произнес:

– Вернемся к началу нашего разговора. Вы сами согласны с тем, что мой воспитанник уже давно перерос вас и меня; необходимо отправить его в университет.

– Так и знал! Уже целый месяц ничего другого от вас не слышу. Да что делать Вольдемару в университете? Набивать голову всякой премудростью? Он изучил все, что необходимо порядочному помещику. В поле и во дворе он сумеет разобраться не хуже, чем мой управляющий, а с людьми справляется гораздо лучше меня. Что касается верховой езды и охоты, так за ним никто не угонится. Он у меня молодчина!

Наставник, по-видимому, вовсе не разделял этого восторженного мнения Витольда о своем воспитаннике. Конечно, он не смел высказать это вслух, однако все же возразил:

– Но к наследнику Вилицы все-таки могут быть предъявлены большие требования, чем к хорошему управляющему. Мне кажется, что высшее образование для него необходимо.

– А я этого вовсе не нахожу! Разве не довольно того, что мне придется впоследствии отпустить от себя этого молодца, потому что его именина находятся в Польше? А вы хотите, чтобы я ни с того ни с сего расстался с ним теперь, чтобы отправить его в университет, куда

он вовсе не желает поступать? Этому не бывать! Ни в коем случае! Он останется здесь, пока не переедет в Вилицу!

Помещик сделал несколько таких энергичных затяжек из своей трубки, что его лицо на некоторое время совершенно скрылось за густыми облаками табачного дыма.

Наставник тяжело вздохнул и замолчал, но именно эта тихая покорность, казалось, тронула Витольда.

– Отложите разговоры об университете! – проговорил он совершенно другим тоном. – Вы никогда не добьетесь этого от Вольдемара, да и для вас это гораздо лучше, потому что вы останетесь в Альтенгофе. Здесь вы сидите среди всех ваших курганов и рунов² или... как там называется вся эта музыка, с которой вы целыми днями возитесь. Я вовсе не понимаю, что хорошего вы находите во всем этом языческом хламе, но у каждого человека должно быть свое удовольствие в жизни, и я от души рад за вас, так как Вольдемар достаточно часто отравляет вам жизнь, да и я тоже.

Наставник сконфузился и сделал отрицательный жест.

– Не смущайтесь! – добродушно произнес Витольд. – Я прекрасно знаю, что вы считаете нашу жизнь здесь совсем бестолковой и давно сбежали бы отсюда, если бы не старый языческий хлам, которому вы преданы всей душой и с которым не можете расстаться. Собственно говоря, если вы постоянно витаете где-то среди древних германцев, то вам должно было бы очень нравиться у нас, ведь они тоже не отличались особыми «манерами».

– Но позвольте, господин Витольд...

Фабиану не пришлось продолжать своего возражения, потому что в эту минуту около окна раздался выстрел. Пуля со свистом пролетела по комнате, и большие олени рога, висевшие над письменным столом, с грохотом упали на пол.

Помещик вскочил.

– Вольдемар! Что это значит? Этот мальчишка вздумал теперь стрелять в комнате! Постой-ка, я отучу тебя от этого!

Он собирался выбежать, но ему помешал молодой человек, как раз в эту минуту вошедший в комнату в сопровождении большой охотничьей собаки и с шумом захлопнувший за собой дверь. Он был в охотничьем костюме, с разряженным ружьем в руке. Не поклонившись и не извинившись по поводу своего шумного появления, он прямо подошел к Витольду и заявил:

– Ну, кто прав, ты или я?

– Что за манера стрелять над головами у людей? – запальчиво крикнул Витольд, – нельзя больше быть спокойным за свою жизнь. Тебе, верно, непременно хочется спровадить на тот свет меня и доктора.

– С какой стати? Я только хотел выиграть пари. Ты утверждал вчера, что со двора я не попаду в этот гвоздь. Вон пуля, – и он указал на стену.

Витольд посмотрел в указанном направлении и с восхищением сказал, уже совершенно успокоившись и гордясь своим воспитанником:

– И правда – она там! Доктор, взгляните-ка... но что с вами?

– У доктора Фабиана, вероятно, опять нервный припадок, – презрительно проговорил Вольдемар, поставив ружье в угол и, по-видимому, совершенно не собираясь оказать помощь своему учителю, который в полуобморочном состоянии лежал на диване и от испуга дрожал всем телом.

Добродушный Витольд приподнял наставника и стал уговаривать.

– Придите же в себя! Кто же падает в обморок от малейшего порохового запаха? Ведь вся эта история и гроша ломаного не стоит. Правда, мы поспорили, но как я мог знать, что Вольдемар станет доказывать свою правоту так неблагоприятно? Вам лучше? Слава Богу!

² Руны – древнейшие письмены скандинавов, сохранившиеся на камнях и металлических предметах.

Фабиан поднялся и старался побороть свою нервную дрожь, однако это ему плохо удалось.

– Вы могли бы убить нас, Вольдемар, – произнес он побелевшими губами.

– Нет, сделать это я не мог, – довольно непочтительным тоном ответил Вольдемар. – Вы с дядей стояли у правого окна, а я стрелял в левое, да, кроме того, вы ведь знаете, что я никогда не промахнусь?

– Но впредь ты это брось, – заявил Витольд, делая попытку проявить свой опекунский авторитет, – я раз и навсегда запрещаю тебе стрельбу во дворе.

– Запрещать ты можешь, дядя, но повиноваться я не стану, и все-таки буду стрелять! – возразил молодой человек, упрямо скрестив руки.

Он стоял перед своим приемным отцом как олицетворение упрямства и необузданности. У Вольдемара был чисто германский тип лица, и ни одна черта не указывала на то, что его мать была дочерью другого народа. Он был еще выше ростом, чем Витольд, но его фигура не отличалась пропорциональностью, и все ее линии были угловаты и резки. Густые белокурые волосы ниспадали на лоб, и он время от времени откидывал их нетерпеливым движением. Его голубые глаза имели мрачное, а в минуты раздражения, как теперь, даже свирепое выражение.

Витольд принадлежал к тем людям, внешность и обращение которых дает возможность предполагать в них энергию, хотя в действительности они ею не обладают. Вместо того, чтобы дать решительный отпор своенравию и упрямству своего воспитанника, он счел за лучшее уступить.

– Ведь говорил же я вам, что он совсем отбился от рук, – обратился он к Фабиану.

Вольдемар растянулся на диване, не взирая на то, что его вымокшие в болоте сапоги пачкают обивку. Охотничья собака, по-видимому, тоже побывавшая в воде, последовала примеру своего хозяина и устроилась на ковре.

Наступило молчание. Хозяин дома занялся раскуриванием своей потухшей трубки, а Фабиан приютился у окна. В то время как Витольд отыскивал кисет с табаком, валявшийся на письменном столе среди хлыстов и шпор, ему попался под руку нераспечатанный конверт, и он произнес:

– Да, чуть было не забыл, Вольдемар, тебе письмо. На печати корона и всякое зверье; должно быть, от княгини Баратовской. Давненько ее сиятельство не удостоивала нас милостивым собственноручным посланием!

Молодой Нордек распечатал письмо и пробежал его глазами. По-видимому, оно заключало в себе лишь несколько строк, но, тем не менее, Вольдемар нахмурился.

– Ну-с, что случилось? – спросил Витольд, – эта компания заговорщиков все еще сидит в Париже?

– Княгиня со своим сыном в Ц., – ответил Вольдемар, видимо умышленно избегавший слова «мать» и «брат», – и желает видеть меня. Я завтра съезжу туда.

– Нет уж, это ты оставь, – сказал помещик, – их сиятельствам много лет не было до тебя никакого дела, так нечего начинать теперь! Мы в них не нуждаемся. Ты останешься дома!

– Дядя, да разве я школьник, что на каждом шагу должен спрашивать разрешения. Неужели же я в двадцать один год не имею даже права сам решить вопрос о свидании с матерью? Я уже решил и завтра утром еду в Ц.

– Ну, ну, незачем сейчас так бесноваться, – проговорил Витольд, – по мне, поезжай куда угодно! Но я не хочу иметь ничего общего с этой компанией, говорю тебе заранее!

Вольдемар упорно молчал, затем, взяв ружье и свистнув собаку, вышел из комнаты. Опекун посмотрел ему вслед, покачивая головой. Вдруг его осенила какая-то мысль. Он взял письмо, оставленное Вольдемаром на столе, и стал читать его. Теперь настала очередь хмуриться ему; на его лбу появились глубокие морщины, предвещавшие грозу.

– Так я и знал! – воскликнул Витольд, ударяя кулаком по столу. – Это очень похоже на княгиню. В шести строках она подстрекает мальчишку к возмущению против меня; потому-то он и стал таким строптивым. Послушайте-ка это великолепное послание! – обратился он к Фабиану. – «Мой сын! Прошло много лет, в течение которых ты не подавал никаких признаков жизни...» Как будто она их подавала, – пробурчал Витольд, – «Я знала от посторонних, что ты живешь в Альтенгофе, у своего опекуна. В данное время я нахожусь в Ц., и была бы очень рада увидеть тебя и познакомить с братом. Я, конечно, не знаю...» Обратите внимание – теперь следует шпилька: «...пользуешься ли ты достаточной свободой, необходимой для подобного визита; как я слышала, ты, несмотря на исполнившееся совершеннолетие, еще всецело зависишь от своего опекуна...» Доктор, вы свидетель того, как этот мальчишка обращается с нами изо дня в день. «Я не сомневаюсь в твоём желании приехать, но вряд ли господин Витольд разрешит тебе это. Тем не менее, я предпочла обратиться к тебе, чтобы увидеть, обладаешь ли ты достаточной самостоятельностью для исполнения желания твоей матери, первое, которое она высказывает тебе, и смеешь ли ты исполнить его». «Смеешь» подчеркнуто. «Ожидаю тебя на этих днях. Твой брат и я шлем тебе привет. Твоя мать».

Витольд был так рассержен, что швырнул письмо на пол.

– И подобную вещь мне приходится читать! Мастерски придумано госпожой мамашей! Ей известно, какой упрямец Вольдемар, и если бы она изучила его в течение многих лет, то не могла бы более удачно задеть его слабую струну. Теперь никакие силы не удержат его, он отправится туда для того, чтобы доказать, что может делать, что хочет... Что вы скажете на это?

Фабиан был, по-видимому, посвящен в семейные отношения своего воспитанника, и предстоящее свидание внушало ему страх, но совсем по другой причине. Он с ужасом произнес:

– Помилуй, Бог! Если Вольдемар и в Ц. будет вести себя как всегда, то, что подумает княгиня!

– Что он пошел в отца, а не в нее, – последовал выразительный ответ Витольда. – Пусть он держит себя именно так, тогда ей, по крайней мере, станет ясно, что он не будет очень-то послушным орудием для ее интриг. А что тут кроется какая-то интрига, то в этом я глубоко убежден. Или опустел княжеский кошелек, – мне кажется, он никогда не был особенно полным, – или снова замышляется какой-нибудь заговор, а для этого Вилица расположена очень удобно, возле самой границы. Что они там задумали, одному Богу известно, но только я уж разумею и вовремя открою ему глаза.

– Помилуйте, господин Витольд, – возразил доктор, – к чему теперь, когда мать протягивает руку примирения, еще усиливать ужасное отчуждение, существующее в этой семье? Не лучше ли было бы, наконец, заключить мир?

– Вы этого не понимаете, доктор, – ответил Витольд с совершенно несвойственным ему озлоблением. – С этой женщиной нельзя заключить мир, если беспрекословно не подчинишься ее властолюбию. Вот, например, покойный Нордек не делал этого, зато у него и был в доме ад. Слава Богу еще, что, благодаря завещанию, княгиня Баратовская не могла властвовать в Вилице, а о том, чтобы Вольдемар в будущем не сделал подобной глупости, мы позаботились своим воспитанием.

– Мы? – с ужасом воскликнул Фабиан. – Господин Витольд, я честно давал свои уроки, на характер же своего воспитанника, к сожалению, никогда не мог воздействовать... иначе...

– Он был бы другим, – со смехом добавил Витольд. – Ну, пусть совесть не упрекает вас! Допустим, это я воспитал его и от всей души буду рад, если мое воспитание хорошенько столкнется завтра с парижским лоском княгини.

С этими словами помещик вышел из комнаты. Наставник наклонился и поднял письмо, все еще валявшееся на полу, аккуратно сложил его и с глубоким вздохом проговорил:

– А, в конце концов, все-таки выйдет, что воспитателем молодого Нордека был некий доктор Фабиан... О, Господи!

Глава 3

Вилица, наследником которой был Вольдемар Нордек, находилась в одной из восточных провинций и состояла из целого ряда поместий, центром которых являлся старый замок того же названия. Покойный Нордек стал владельцем этих поместий следующим образом.

Граф Моринский и его сестра рано осиротели; Ядвига получила воспитание при монастыре, и когда вышла оттуда, родные уже распорядились ее судьбой. В том дворянском кругу, к которому принадлежала молодая графиня, это было обычным явлением, и она охотно подчинилась бы решению родственников относительно ее брака, если бы предназначенный ей супруг был равен ей по происхождению или хотя бы был сыном ее народа; но Ядвига была избрана орудием различных семейных планов, которые ее родные, во что бы то ни стало, хотели привести в исполнение.

В той местности, где жила большая часть членов рода Моринских, несколько лет тому назад появился некий Нордек, немец низкого происхождения, но с большим состоянием. Он был человеком малообразованным и крайне несимпатичным, но благодаря обладанию громадными имениями, скупленными им в этом краю за полцены у обедневших помещиков, польских дворян, приобрел большую власть, которая скоро дала очень чувствительно о себе знать во всей окрестности; кроме того, ему каким-то образом стали известны многие партийные тайны национальных польских союзов. Это делало Нордека крайне опасным противником, и необходимо было завоевать его дружбу.

Подкупить миллионера было, конечно, невозможно; оставалось только подействовать на его тщеславие, под влиянием которого он был далеко не прочь породниться с каким-нибудь старинным польским родом. Выбор его пал на внучку владельцев Вилицы; необразованному выскочке очень льстило, что ему доступна рука графини Моринской, а в приданом он, конечно, не нуждался.

Ядвига сначала воспротивилась этому союзу, но что могла сделать семнадцатилетняя девушка против семейного решения? Кроме того, роль бедной приживалки, живущей на хлебах из милости у родственников, была вовсе не по вкусу молодой графине; она, наконец, согласилась, и брак состоялся.

Однако планы и расчеты обеих сторон не оправдались. Нордек не поддавался никакому влиянию, и его мимолетное увлечение Ядвигой превратилось в ненависть, как только он понял, что его самого и его состояние хотели использовать для интересов ее семьи. Рождение сына не изменило этих отношений. Пропасть между мужем и женой все увеличивалась; между ними разыгрывались ужасные сцены, и после одной из них молодая женщина покинула замок, чтобы искать защиты у брата. Маленький Вольдемар, которому в то время едва исполнился год, остался у отца. Нордек, пришедший в ярость от бегства жены, требовал ее возвращения. Граф Моринский делал все, что мог, чтобы оградить сестру. Но неожиданная смерть Нордека положила конец этому несчастному браку. Причиной этой смерти явилось его падение с лошади во время охоты, однако, умирая, он имел еще столько сил, чтобы продиктовать завещание, по которому его жена совершенно устранялась от участия в наследстве и в воспитании сына. Опекун Вольдемара был назначен дальний родственник, друг детства Нордека, которому предоставлялись неограниченные права. Вдова пробовала протестовать, но опекун самым решительным образом отклонил все притязания и увез мальчика с собой на родину. Вольдемар все свое детство провел в Альтенгофе. Доходы с Вилицы присоединялись к капиталу, и таким образом молодой Нордек к своему совершеннолетию оказался обладателем громадного состояния.

Мать Вольдемара сначала жила в доме брата, который тем временем женился, но оставалась там недолго. Один из самых близких друзей графа, князь Баратовский, влюбился в красивую молодую женщину, и через год она вышла за него замуж. Второй брак был, безусловно,

счастлив, князь полностью подчинился своей жене и нежно любил ее и сына, которого она ему подарила.

Однако их счастье недолго оставалось безоблачным, но на этот раз оно было нарушено внешними невзгодами. Лев был еще ребенком, когда грянула революция, охватившая чуть ли не пол-Европы. В польском крае также вспыхнуло восстание. Моринский и Баратовский приняли в нем активное участие, однако революционное движение было подавлено, и его участников постигла суровая кара. Моринский и Баратовский бежали во Францию, за ними последовали их жены и дети. Графиня Моринская, хрупкая, болезненная женщина, не вынесла жизни на чужбине и через год умерила. Бронислав поручил свою единственную дочь Ванду сестре. Сам он был не в состоянии оставаться в Париже, где все напоминало ему об утрате страстно любимой жены. Он жил то здесь, то там, и приезжал только иногда, чтобы увидеться с дочерью. Наконец, благодаря амнистии, он получил возможность вернуться на родину, где тем временем после смерти одного родственника получил в наследство поместье Раковиц, в котором и поселился.

На князя Баратовского, который был одним из главарей восстания, амнистия не распространилась, и о его возвращении нельзя было и думать. Жена и сын разделили с ним его участь, пока, наконец, его смерть не предоставила им возможности избрать себе новое местожительство.

Глава 4

Было утро. В комнате с балконом на даче, которую занимали Баратовские, находилась только княгиня; она была поглощена чтением письма, полученного час тому назад. Это было извещение Вольдемара о том, что он сегодня приедет. Княгиня так пристально смотрела на это письмо, как будто хотела изучить по этим кратким холодным словам или по почерку характер сына, который был ей совершенно чужим. С тех пор как Ядвига вторично вышла замуж, она лишь изредка и мельком видела его, а с того времени как она жила во Франции, эти свидания и вовсе прекратились. Образ десятилетнего мальчика, сохранившийся в ее памяти, был довольно непривлекателен, а то, что она узнала относительно юноши, вполне согласовалось с ним. Тем не менее, княгине было необходимо, во что бы то ни стало приобрести влияние на сына, а она была не способна отступить от решения какой-либо задачи, если даже прекрасно осознавала все ее трудности. Она встала и начала задумчиво ходить взад и вперед, но быстрые шаги, раздавшиеся в передней, заставили ее остановиться. Слуга, открыв дверь, произнес:

– Господин Вольдемар Нордек.

Названный тотчас же вошел. Дверь снова закрылась, и мать с сыном очутились лицом к лицу.

Вольдемар сделал еще несколько шагов вперед, но вдруг остановился. Княгиня, имевшая намерение пойти ему навстречу, также замедлила шаги. Казалось, что с первого мгновенья этой встречи между ними разверзлась бездонная пропасть. Их затянувшееся молчание говорило яснее слов; оно доказывало, что ни в сердце матери, ни в сердце сына не дрогнула ни одна струна. Княгиня первая превозмогла себя.

– Благодарю тебя, мой сын, что ты пришел, – проговорила она, протягивая руку.

Вольдемар медленно подошел ближе, только дотронулся до протянутой ему руки и сейчас же опустил ее. Княгиня, несмотря на темный костюм, была очень эффектна и величественна, но, по-видимому, это не произвело на молодого человека никакого впечатления, несмотря на то, что он пристально смотрел на нее. Княгиня также не отрывала глаз от лица сына, но тщетно старалась отыскать в нем хоть единственную черту, похожую на ее собственные или напоминающую их. Она видела только разительное сходство с человеком, которого ненавидела даже после его смерти.

– Я была уверена, что ты приедешь, – продолжала она, опускаясь на стул и жестом указывая сыну место возле себя.

Однако Вольдемар продолжал стоять.

– Разве ты не сядешь?

Этот вопрос был произнесен очень спокойно, но не допускал возражения и напомнил молодому Нордеку, что он не может стоять на протяжении всего своего визита; он взял кресло и сел против матери, так что стул возле нее остался пустым.

Смысл этого поступка был вполне ясен; княгиня плотнее сжала губы, но ее лицо оставалось неподвижным. Вольдемар сидел против света; он и сегодня был в охотничьем костюме, не отличавшемся особой опрятностью. В левой руке, которая, как и правая, была без перчатки, он держал круглую шляпу и хлыст, а манера, с которой молодой человек опустил на стул, доказывала его полное незнание светских обычаев. Мать с первого же взгляда заметила как это, так и то злобное упорство, которым вооружился ее сын; оно достаточно ясно светилось в его глазах. Задача, предстоявшая княгине, была не из легких, она это чувствовала.

– Мы стали совсем чужими, Вольдемар, – начала она, – и при этом нашем первом свидании я не могу требовать от тебя сыновних объятий. Я была вынуждена с детства оставить тебя в чужих руках. Матери было запрещено исполнять свои обязанности и пользоваться своими правами.

– У дяди Витольда я ни в чем не чувствовал лишения, – резко ответил Вольдемар, – и всегда был там больше дома, чем чувствовал бы себя в доме князя Баратовского.

Он произнес это имя с особым ударением, которое не ускользнуло от княгини.

– Князь Баратовский умер, – серьезно произнесла она, – ты видишь перед собой его вдову.

Вольдемар поднял глаза; он, по-видимому, только теперь заметил траурное платье матери.

– Очень сожалею... ради тебя, – холодно проговорил он.

– Оставь это! Ты никогда не знал князя, и я не могу ожидать от тебя симпатий к человеку, который был моим мужем, но я осознаю также, что утрата, тяжело поразившая меня, опрокинула преграду, разлучавшую нас. Ты всегда хотел видеть во мне только княгиню Баратовскую. Может быть, теперь ты вспомнишь, что она – твоя мать, вдова твоего отца.

При этих словах Вольдемар поднялся таким порывистым движением, что стул полетел на пол.

– Оставим это. Я пришел, чтобы доказать тебе, что я не подвергаюсь никакому насилию и исполняю только свою волю. Ты хотела говорить со мной – я здесь. Что ты хочешь от меня?

В этих словах выказались вся прямолинейность и резкость молодого человека. Упоминание об отце, очевидно, глубоко оскорбило его. Княгиня также встала.

– Что я хочу от тебя? Я хочу разорвать тот круг, которым окружило тебя враждебное мне влияние. Я хочу напомнить тебе, что тебе пора теперь смотреть на все своими собственными глазами, а не следовать слепо навязанным тебе чужим взглядам. Тебя научили ненавидеть мать. Сначала узнай, заслуживает ли она этой ненависти, а затем рассуди сам! Вот чего я хочу от тебя!

Все это было произнесено с такой спокойной уверенностью и неприступной гордостью, что не могло не произвести впечатления на Вольдемара. Он почувствовал, что оскорбил мать, да и призыв к его самостоятельности не остался без результата.

– Во мне нет ненависти к тебе, мама, – сказал он.

В первый раз он произнес это слово.

– Но нет и доверия, – добавила княгиня, – а это – первое, что я должна потребовать от тебя. Тебе нелегко, я знаю это; ведь семена недоверия с детства сеяли в твоей душе. Твой опекун делал все возможное, чтобы усилить отчуждение между нами, и привязал тебя к себе. Боюсь только, что его воспитание малопригодно для наследника Вилицы.

– Я не потерплю никаких упреков по отношению к моему дяде Витольду, он был для меня вторым отцом, – с яростью крикнул Вольдемар. – И если меня позвали сюда затем, чтобы заставить выслушивать нападки на него, то я сейчас же уйду. Мы никогда не пойдем друг друга!

Княгиня увидела, что сделала громадную ошибку: наружу прорвалась ненависть к опекуну, но это уже случилось, и уступить – значило ставить на карту весь свой авторитет. Тем не менее, ей надо было, во что бы то ни стало удержать Вольдемара.

Но тут появилась помощь с такой стороны, с которой она могла ожидать ее меньше всего. В самый решительный момент дверь открылась, и появилась Ванда, возвратившаяся с прогулки с отцом и не подозревавшая, что пришел гость.

Вольдемар, действительно, собирался уходить, но вдруг остановился как вкопанный, вспыхнув до корней волос. Он совершенно растерялся и не сводил глаз с молодой графини. Последняя, заметив посетителя, хотела уйти, но когда тот повернулся к ней лицом, чуть вскрикнула от изумления, слегка смутилась, однако нисколько не растерялась и с трудом сдержала смех. Отступать было поздно; а потому девушка закрыла за собой дверь и вошла в комнату.

– Мой сын Вольдемар Нордек, моя племянница, графиня Моринская, – произнесла княгиня, с изумлением вопросительно глядя сначала на сына, а потом на племянницу.

Последняя успела вполне овладеть собой и вспомнить, что она – уже взрослая особа. Ее грациозный поклон был так безупречен, что даже самая строгая гувернантка не могла бы придаться к нему; однако губы девушки предательски задергались, когда Вольдемар в ответ на представление княгини сделал какое-то движение, которое, вероятно, должно было означать поклон, но выглядело очень комично. Его мать не сводила с него пристального взора, как бы желая прочесть самые сокровенные его мысли.

– Мне кажется, что ты уже знаком со своей двоюродной сестрой? – со своеобразным ударением произнесла она.

Указание на родственные отношения, по-видимому, еще больше смутили молодого человека.

– Не знаю, – с крайним смущением ответил он, – несколько дней тому назад, действительно...

– Господин Нордек был так любезен, что вывел меня из леса, когда я там заблудилась, – прервала его Ванда. – Это было третьего дня, во время нашей поездки на Буковый полуостров.

Княгиня сочла тогда эту прогулку крайне неуместной, теперь же, по-видимому, совершенно не собиралась больше упрекать за нее племянницу; наоборот, ее тон можно было скорее назвать благосклонным, когда она проговорила:

– Действительно, изумительная встреча! Но что же вы оба стоите как совершенно чужие? Между родственниками незачем так строго придерживаться этикета. Ты смело можешь подать руку своему двоюродному брату, Ванда.

Девушка непринужденно протянула руку. Ее двоюродный брат Лев был настолько любезен, что всегда целовал эту руку, когда она протягивала ее в знак примирения после какой-нибудь ссоры, старший же кузен, очевидно, совершенно не отличался подобной любезностью. Он сначала так робко и нерешительно взял протянутые ему тонкие пальцы, как будто не смел прикоснуться к ним, а затем так сильно сжал их, что девушка чуть не вскрикнула от боли.

Княгиня молча, но внимательно наблюдала за ними.

– Значит, вы встретились в лесу? – снова начала она. – Разве никто из вас не назвал своего имени?

– Я, к сожалению, приняла господина Нордека за лесного духа, – выпалила Ванда, не обращая внимания на неодобрительные взгляды тетки, – а он сделал все возможное, чтобы подтвердить мое предположение. Ты представить себе не можешь, дорогая тетя, как интересен был наш разговор, и поймешь, что при таких обстоятельствах было не до официальных представлений.

В этих словах слышалась нескрываемая насмешка, однако Вольдемар, перед тем проявивший такое раздражение, казалось, совершенно не был обижен и не отрывал взгляда от молодой девушки. Однако княгиня все же нашла нужным пресечь насмешки Ванды и обратилась к сыну:

– Вольдемар, ты еще не видел своего брата и дяди. Я сведу тебя к ним. Ты ведь останешься у нас на весь день?

– Если тебе угодно!

Молодой человек произнес эти слова нерешительно и неуверенно, однако в них уже совершенно не было слышно строптивости прежних ответов. Вольдемар, очевидно, не собирался больше уходить.

– Конечно. Пойдем, милая Ванда.

Молодой Нордек еще колебался, но когда Ванда последовала за теткой, он тут же принял решение. Положив шляпу и хлыст на стул, он пошел вслед за дамами. По губам княгини пробежала еле заметная торжествующая улыбка.

Глава 5

Граф Моринский и Лев были в гостинной; от Павла они узнали о приходе Вольдемара, но не хотели мешать первому свиданию матери с сыном. Граф был несколько удивлен тем, что Ванда также вошла вместе с княгиней, но удержался от вопроса, вертевшегося у него на языке; молодой Нордек приковал к себе все его внимание.

Княгиня взяла младшего сына за руку и, подведя его к старшему, многозначительно произнесла:

– До сих пор вы не были знакомы друг с другом, и только сегодня мне суждено положить конец вашей долгой разлуке. Лев с братской любовью идет тебе навстречу, Вольдемар. Надеюсь, что и в тебе он найдет брата.

Вольдемар быстрым взглядом окинул стоявшего перед ним брата, но в этом взгляде не было никакой враждебности. Красота молодого князя невольно пленила его, и когда Лев несколько робко протянул ему руку, молодой Нордек горячо пожал ее.

Граф Моринский тоже подошел к сыну своей сестры и сказал несколько любезных фраз, на которые тот ответил довольно кратко. Разговор мог получиться довольно натянутым, если бы княгиня мастерски не направляла его, избегая теперь всяких неприятных напоминаний. Так прошло около получаса. Появился Павел с докладом, что обед подан.

– Лев, на сегодня право вести Ванду к столу тебе придется уступить своему брату, – сказала княгиня, взяв своего брата под руку и уходя по направлению к столовой.

– Ну, что? – вполголоса по-польски спросил граф, – чем кончился разговор?

– Не беспокойся. Все уладится, уверяю тебя.

Только к вечеру молодой Нордек отправился назад в Альтенгоф. Лев, провожавший его до ворот дачи, возвратился в гостиную. Княгини и графа там уже не было, только Ванда, стоявшая на балконе, смотрела вслед уезжавшему верхом Вольдемару.

– Господи, какое чудище этот Вольдемар! – воскликнула молодая графиня входившему двоюродному брату. – Лев, как только ты мог все время оставаться серьезным? Я совершенно скомкала свой платок, лишь бы скрыть смех, но теперь не могу больше удержаться, иначе задохнусь.

С этими словами Ванда упала в кресло и начала заразительно смеяться.

– Мы были подготовлены к оригинальности Вольдемара, – ответил Лев. – По правде говоря, я представлял его еще более резким и непривлекательным.

– О, ты узрел его сегодня в салонном одеянии, – продолжала издеваться Ванда, – я же, имевшая счастье видеть его во всей красе в лесу, не могу отделаться от угнетающего впечатления, которое производит этот дикарь, и до сих пор не могу без ужаса вспоминать об этой встрече!

– Ты должна еще рассказать мне об этом, – сказал Лев. – Значит, это Вольдемар провожал тебя третьего дня до Букового полуострова. Я догадался об этом из вашего разговора, но не понимаю, почему ты облекла это такой таинственностью.

– Да только для того, чтобы позлить тебя. Ты так кипятился, когда я говорила о своей встрече с незнакомцем, вероятно, предполагая, что меня проводил какой-нибудь кавалер; я оставила тебя в этом заблуждении, но теперь ты, наконец, увидел, что нет никакой опасности?

– Да, я это вижу, – со смехом согласился молодой человек, – но, тем не менее, он все-таки был настолько любезен, что соблаговолил проводить тебя.

– Я всю жизнь не забуду этих проводов. Представь себе, я вдруг потеряла тропинку, по которой так часто ходила; стараясь отыскать ее, я все дальше заходила в лес и очутилась в совершенно незнакомой местности. Я была в полном отчаянии, как вдруг послышался ужасный треск и передо мной предстала фигура, которую я сначала приняла за лешего; этот чело-

век, казалось, вылез прямо из болота, был весь в тине и нес на плечах убитую серну, не обращая внимания на то, что струившаяся из нее кровь заливала всю его куртку.

– Ты, наверно, перепугалась? – насмешливо спросил Лев.

– Испугалась? Кажется, ты знаешь, что я не из пугливых. Другая на моем месте, вероятно, обратилась бы в бегство, я же спросила его, где дорога на Буковый полуостров. Однако, несмотря на то, что я дважды повторила вопрос, ответа на него не последовало. Чудовище стояло как вкопанное, выпучив на меня глаза. Я повернулась, чтобы уйти. Тогда оно подскочило ко мне, указало направо и, по-видимому, собиралось проводить меня.

– И все это он объяснял знаками? – спросил Лев.

– Нет, он удостоил меня шестью или семью словами. В первую минуту нашего совместного путешествия я услышала: «Надо повернуть направо», а под конец: «Вот Буковый полуостров». Все остальное время царил молчание, которое я не решалась нарушить. Представь себе мое изумление, когда сегодня я увидела этого «лешего» в приемной тети и когда это «чудовище» было представлено мне в качестве «кузена Вольдемара». Правда, сегодня он изображал салонного кавалера и даже вел меня к столу, но, Боже, как он делал все это!.. Он, вероятно, впервые в жизни подал руку даме. А как он держался за столом! Прости меня, но твоему новому братцу место среди дикарей! И это – будущий владелец Вилицы!

Лев в основном разделял это мнение, но счел своей обязанностью стать на сторону брата.

– Вольдемар не виноват в том, что получил плохое воспитание; мама говорит, что опекун умышленно позволил ему так одичать.

– Одним словом, это – чудовище, – решила молодая особа, – и я торжественно заявляю, что если мне еще раз предоставят такого кавалера, то я вовсе не выйду к столу!

Во время этого разговора платок Ванды упал и зацепился за ветку плюща, обвивавшего балкон; Лев заметил это и любезно наклонился, чтобы поднять его; при этом ему пришлось встать на колени; в этом положении он и передал платок двоюродной сестре. Вместо того чтобы поблагодарить его, Ванда громко рассмеялась. Молодой князь вскочил.

– Ты смеешься?

– О, не над тобой! Я представила себе, каким бы смешным был твой брат в такой позе!

– Вольдемар? Да, конечно! Но он никогда не станет на колени перед женщиной, а перед тобой тем более!

– Почему? Мне очень хотелось бы доказать тебе противное!

– Каким же образом? – со смехом спросил Лев.

– Тем, что я доведу его до этого!

– Ну, что же, испытай силу своего влияния на моем брате!

Ванда вскочила как ребенок, которому предстоит получить новую игрушку.

– Идет! На что мы будем держать пари?

– Но только это должно быть настоящее коленопреклонение, а не простая любезность, – заявил князь.

– Конечно! Ты смеешься? Вероятно, считаешь это невозможным? Ну, увидим, кто выиграет пари. Ты увидишь Вольдемара на коленях передо мной, прежде чем мы уедем отсюда. Только одно условие: ты не должен ничего говорить ему. Если он узнает, что мы держали пари, я думаю, что вся необузданность его натуры вырвется наружу.

– Я буду молчать, – Лев увлекся выдумкой Ванды.

Глава 6

Прошло несколько недель; лето подходило к концу, и в Альтенгофе жатва была в полном разгаре. Витольд, все утро пробывший в поле, вернулся домой усталым и собирался после обеда хорошенько отдохнуть. Располагаясь на отдых, он с недовольством, смешанным с изумлением, взглянул на своего воспитанника, стоявшего у окна и ожидавшего, пока ему подадут лошадь.

– Значит, ты все-таки хочешь в эту жару отправиться в Ц.? – спросил Витольд. – Да ты получишь солнечный удар. Только ты, кажется, больше не можешь жить без того, чтобы, по крайней мере, три или четыре раза в неделю не нанести визита своей мамаше.

– Не могу же я не подчиниться желанию мамы видеть меня. Теперь, когда мы живем так близко друг от друга, она имеет право требовать, чтобы я посещал ее почаще.

– Ну, она очень усердно пользуется этим правом. Хотел бы я знать, как это она сделала из тебя такого послушного сына. Я почти двадцать лет старался, но напрасно, а она обработала тебя за один день. Впрочем, она испокон веков умела властвовать.

– Ты лучше, чем кто-либо, знаешь, что я не позволю властвовать над собой, – раздражительно произнес Вольдемар, – мать пошла мне навстречу. Я не могу и не хочу оказывать такое противодействие, как делал ты, когда я находился под твоей опекой.

– Тебе, вероятно, все время твердят, что ты уже вышел из-под нее, – прервал его приемный отец, – ты это очень часто повторяешь в последнее время, но совершенно напрасно. К сожалению, ты всегда делал лишь то, что хотел, и притом очень часто против моей воли, так что объявление тебя совершеннолетним является чистой формальностью, конечно, для меня, а не для Баратовских; они-то уже знают, что будут делать и почему постоянно напоминают тебе об этом.

– К чему эти вечные подозрения? – вспыхнул Вольдемар. – Что же, я должен отказаться от всякого общения с моими родными только потому, что ты относишься к ним враждебно?

– Мне хотелось бы, чтобы тебе пришлось как-нибудь на деле испытать нежность своих милых родственников! – насмешливо проговорил Витольд. – Они, конечно, не стали бы так нянчиться с тобой, если бы ты случайно не был владельцем Вилицы. Ну, не злись; мы достаточно часто бранились из-за этого в последнее время, и я не хочу сегодня снова портить себе послеобеденный отдых. Ведь пребывание на курорте когда-нибудь закончится, и мы избавимся от всей этой милой компании.

Наступило непродолжительное молчание. Вольдемар нетерпеливо ходил взад и вперед по комнате.

– Не понимаю, что делают в конюшне; я приказал оседлать Нормана, но конюх, кажется, заснул с ним!

– Ты, по-видимому, очень торопишься ехать, – сухо ответил Витольд, – мне кажется, что в Ц. тебя опоили каким-то зельем, потому что ты больше нигде не находишь себе места и не можешь дождаться, когда сядешь на лошадь.

Вольдемар ничего не ответил и, посвистывая, махал хлыстом.

– Надеюсь, княгиня снова вернется в Париж? – вдруг спросил Витольд.

– Не знаю. Еще не решено, где Лев закончит свое образование, а от этого будет зависеть местопребывание матери.

– Я хотел бы, чтобы он поступил в университет в Константинополе, а его мамаша отправилась вместе с ним в Турцию, – с досадой произнес Витольд. – Тогда, по крайней мере, мы не скоро увидели бы их. Этот молодой Баратовский, вероятно, представляет собой кладь премудрости, потому что ты все время говоришь о его образовании.

– Он учился гораздо больше, чем я, – сердито ответил Вольдемар, – хотя на четыре года моложе меня.

– Должно быть, мать заставляла его учиться; у него, вероятно, был только один учитель, тогда как от тебя сбежало шестеро, а седьмой выдержал с трудом.

– А почему меня не заставляли учиться? Ты желаешь мне добра, но представить себе не можешь, как я чувствую себя, когда вижу, что Лев во всем опередил меня, и постоянно слышу о необходимости для него дальнейшего образования. Но этому скоро будет конец – я тоже пойду в университет.

Витольд с испугу чуть не выронил подушку, которую как раз взбивал, чтобы лечь.

– В университет? – повторил он.

– Конечно. Доктор Фабиан уже давно говорил об этом.

– А ты все время решительно противился!

– Это было раньше, теперь я передумал. Лев на будущий год должен поступить в университет, и если он в восемнадцать лет достаточно созрел для этого, то мне и давно пора. Я вовсе не желаю всегда и во всем быть позади своего младшего брата. Завтра я поговорю об этом с доктором Фабианом, а теперь сам пойду в конюшню и посмотрю, оседлан ли, наконец, Норман. У меня лопнуло терпение от ожидания.

Говоря это, он взял со стола шляпу и стрелой вылетел из комнаты. Витольд остался сидеть на диване, держа в руках подушку, но о послеобеденном сне больше нечего было и думать.

– Что случилось с мальчишкой? Доктор, что с ним сделали? – гневно закричал он на доктора Фабиана, который, ничего не подозревая, входил в комнату.

– Я? – с испугом спросил тот. – Ничего.

– Ах, да я вовсе не о вас, – с досадой ответил помещик, – я говорил о компании Баратовских! С тех пор как Вольдемар попал к ним в руки, с ним нет никакого сладу. Подумать только, он хочет в университет!

– Неужели? – радостно воскликнул доктор.

– Небось, вы очень рады этому, – проворчал Витольд, – вам, вероятно, доставляет громадное удовольствие, что вы уедете отсюда, а я останусь один-одинешенек в Альтенгофе.

– Вы ведь знаете, что я все время ратовал за университет, – стал защищаться наставник. – К сожалению, меня не слушали, и если княгиня, действительно, убедила в этом Вольдемара, то я могу только благословлять ее влияние.

– Черт бы побрал это влияние! – воскликнул помещик, швыряя на середину комнаты злополучную подушку. – Вот погодите, мы увидим, что тут кроется. Что-нибудь да случилось с мальчишкой; он ходит как во сне и на все отвечает невпопад. Я во что бы то ни стало должен узнать, в чем тут дело, и вы должны помочь мне, доктор. В следующий раз вы тоже поедете в Ц.

– Ни за что на свете! Что я буду там делать?

– Наблюдать, а затем докладывать мне. Сам я не могу отправиться туда, потому что от встречи с княгиней произойдет беда, но вы – нейтральная сторона и как раз подходящий человек.

– Да я вовсе не знаю, как и взяться за это, – воскликнул Фабиан. – Ведь вам известно, как я теряюсь и робею с чужими; да и Вольдемар никогда не согласится, чтобы я сопровождал его.

– Ничего не хочу слушать! – наставительным тоном перебил его Витольд, – вы должны отправиться в Ц.! Вы ведь единственный человек, к которому я питаю доверие! Неужели вы не хотите помочь мне?

Тут Витольд разразился таким градом упреков, просьб и доказательств, что бедный доктор был совершенно сбит с толку и наконец обещал исполнить то, о чем его просили.

Во дворе послышался стук копыт. Вольдемар уже сидел на лошади; пришпорив коня и даже не взглянув на окна, он вылетел за ворота.

– Помчался, – полусердито, полувосторженно проговорил Витольд. – Взгляните, как он сидит на лошади!.. Как сидит! А ведь не шутка справиться с Норманом.

– Вольдемар имеет страсть ездить только на молодых, горячих лошадях, – боязливо произнес наставник. – Не понимаю, почему он выбрал именно Нормана; из всей конюшни это самая упрямая и дикая лошадь.

– Вот именно потому! Однако подойдите сюда! Надо обдумать вашу миссию; вы должны выполнить ее очень дипломатично.

С этими словами Витольд взял наставника за руку и привлек к дивану; бедный Фабиан терпеливо подчинился и только жалобно произнес:

– Я – дипломат, господин Витольд? Помилуй, Бог!

Семья Баратовских с самого начала не принимала участия в курортной жизни, а в последнее время сторонилась ее еще больше. Вольдемар при своих частых посещениях постоянно заставал их одних. Граф Моринский уехал уже через несколько дней. Он хотел, было увезти с собой и дочь, но княгиня убедила его, что пребывание на морском берегу необходимо для здоровья Ванды, и он возвратился в Раковиц один.

Молодой Нордек всю дорогу мчался в Ц. во весь карьер и вошел в комнату княгини, разгоряченный и запыленный. Несмотря на то, что мать и сын виделись теперь часто, в их отношениях не было никакой сердечности; они не могли перешагнуть пропасть, лежавшую между ними. Их взаимное приветствие было так же холодно, как и при первом свидании.

– Ты ищешь Льва и Ванду? – спросила княгиня, – они уже на берегу и ждут тебя там. Вы, кажется, договорились поехать кататься под парусами?

– Да, я пойду к ним, – и Вольдемар поспешно повернулся к двери, но мать удержала его.

– Удели мне несколько минут. Я должна поговорить с тобой.

– Нельзя ли потом? Я хотел бы сначала...

– Мне необходимо поговорить с тобой наедине, – перебила его княгиня, – ты еще успеешь накататься. Я думаю, вы можете отложить эту прогулку на четверть часа.

Нордек был явно недоволен такой отсрочкой прогулки и с большой неохотой принял приглашение сестры.

– Наше пребывание в Ц. заканчивается, – начала княгиня, – мы скоро должны будем подумать об отъезде.

– Уже? – воскликнул Вольдемар, испугавшись. – Но сентябрь обещает быть прекрасным. Почему ты не хочешь провести его здесь?

– Не могу сделать этого из-за Ванды; брат и так очень неохотно согласился оставить ее здесь; за это я обещала сама привезти ее в Раковиц.

– Раковиц, кажется, находится недалеко от Вилицы?

– Да, вдвое ближе, чем Альтенгоф.

Молодой человек молчал и нетерпеливо посматривал в окно, выходявшее на берег моря, которое, казалось, необычайно интересовало его.

– Да, кстати, раз мы уже заговорили о Вилице, – непринужденно заметила княгиня. – Скажи мне, ведь теперь, по достижении совершеннолетия, ты, конечно, сам будешь управлять своими именьями? Когда ты думаешь переехать туда?

– Мой отъезд был назначен на будущую весну, – рассеянно проговорил Вольдемар, все еще смотревший в окно. – Зимой я хотел еще пробыть у дяди; но теперь, вероятно, все изменится, так как я собираюсь поступать в университет.

– Это решение я могу только одобрить; я никогда не скрывала от тебя, что нахожу воспитание, данное тебе твоим опекуном, слишком односторонним.

– Я все-таки хотел бы раньше побывать в Вилице, – проговорил Вольдемар, – так как с детства не был там. Ты, вероятно, долго пробудеешь в Раковице?

– Не знаю, в настоящее время я в любом случае приму предложение брата приютить у себя меня и сына, а дальше будет видно, долго ли нам придется пользоваться его благодеянием.

– Приютить... благодеяние... что это значит, мама?

Губы княгини слегка вздрогнули, но ее лицо оставалось совершенно спокойным, когда она ответила:

– До сих пор я от всех скрывала наши отношения и предполагаю поступать так и в будущем; перед тобой я не могу, да и не хочу делать из этого тайну. Да, я вынуждена искать пристанища у брата. Как ты знаешь, я последовала за своим вторым мужем в изгнание и десять лет разделяла его с ним; все это поглотило наше состояние; все наши доходы исчерпаны. Ты, конечно, понимаешь, чего мне стоит открыть это тебе, и что я никогда не сделала бы этого, если бы речь шла обо мне одной. Но Лев только начинает жизнь; я не боюсь, что он будет терпеть бедность и лишения, но боюсь унижения, которого он не вынесет. Судьба вручила тебе громадное состояние, ты можешь неограниченно распоряжаться им. Вольдемар, я поручаю будущее твоего брата твоему великодушию.

– И это ты говоришь мне только сегодня? Почему я раньше не знал этого? – горячо воскликнул Вольдемар.

– А что бы ты ответил мне, если бы я при первом свидании сделала тебе такое открытие?

Вольдемар опустил глаза; он помнил тот оскорбительный тон, которым спросил мать, что она от него хочет.

– Ты не знаешь меня, – поспешно ответил он. – Несмотря ни на что, я никогда не допустил бы, чтобы ты искала помощи у других, а не у меня. Да неужели я, владелец Вилицы, допустил бы, чтобы моя мать и брат от кого-нибудь зависели! Ты ошибаешься во мне, мама... подобного недоверия я не заслужил!

– Это недоверие относилось не к тебе, а к тому влиянию, под которым ты находился до сих пор. Я даже не знаю, имеешь ли ты возможность предоставить нам пристанище в твоих владениях.

Этот укол не замедлил произвести свое действие.

– Мне кажется, я достаточно доказал тебе, что в состоянии оградить свою самостоятельность, – отрывисто произнес Нордек. – Скажи, что я должен сделать? Я на все согласен.

– Мы можем принять от тебя помощь лишь в том случае, если она не будет для нас унижительной. Ты – владелец Вилицы; разве не было бы совершенно естественно, если бы твой брат и я приехали к тебе погостить.

Вольдемар опешил. Слово «Вилица» возбудило в нем прежнее недоверие и подозрение; все предостережения опекуна сбывались.

Мать заметила это и мастерски устранила это препятствие.

– Пребывание там желательно мне лишь ввиду близости к Раковицу; я могла бы тогда часто видаться с Вандой.

Близость Раковица и его обитателей! Это решило все. Щеки молодого человека вспыхнули, когда он ответил:

– Распоряжайся как тебе угодно! Я со всем согласен. Я поеду в Вилицу, хотя и ненадолго, но, во всяком случае, провожу тебя.

– Благодарю тебя за себя и за Льва.

Благодарность была, безусловно, искренней, но в ней не было ни малейшей сердечности. Так же холодно Вольдемар ответил:

– Пожалуйста, мама, ты конфузишь меня. Дело решено, и теперь я могу, наконец, отправиться на берег моря.

Он, по-видимому, стремился, во что бы то ни стало избежать дальнейших разговоров, и мать, больше не удерживая его, принялась за начатое письмо.

Оно было только что окончено, и княгиня собиралась запечатать его, как вдруг в комнату вошел Лев с нахмуренным лбом и плотно сжатыми губами.

Мать с удивлением посмотрела на него.

– Что с тобой, Лев? Почему ты один? Разве Вольдемар не нашел тебя и Ванды?

– Нашел! – взволнованно произнес Лев, – он пришел к нам с четверть часа тому назад.

– А где же он теперь?

– Он поехал с Вандой на лодке.

– Ты знаешь, я не люблю этого, – недовольно произнесла княгиня. – Если я доверяю Ванду тебе, так это – совсем другое дело: вы вместе выросли, Вольдемар же ей вовсе не так близок. Отчего же ты не поехал с ними?

– Потому что не желаю вечно изображать лишнего.

– Я уже говорила тебе о том, как смотрю на все твои ревнивые выходки. Ты опять начинаешь?

– Мама, неужели же ты не видишь, что Вольдемар любит твою племянницу, боготворит ее?

– А что делаешь ты? – спросила мать, откидываясь на спинку кресла, – абсолютно то же самое. Не станете же вы требовать, чтобы я серьезно относилась к этим мальчишеским увлечениям. Ты и Вольдемар находитесь как раз в таком возрасте, когда все молодые люди непременно имеют какой-нибудь идеал. Ванда – единственная девушка, которую вы хорошо знаете. К счастью, она еще ребенок и смеется над вами обоими. Твоему брату к тому же вовсе не мешает поучиться ухаживать за дамами, это ему очень полезно.

– Хотелось бы мне, чтобы ты таким тоном поговорила с Вольдемаром, – подавляя раздражение, возразил Лев, – он не стал бы выслушивать это так спокойно, как я.

– Я и от него не стала бы скрывать, что считаю это юношеской глупостью. Если через пять лет ты или Вольдемар будете говорить мне о своей любви к Ванде, тогда я придам значение вашему чувству; теперь же вы свободно можете изображать рыцарей своей двоюродной сестры, конечно, с тем условием, чтобы между вами дело не доходило до ссор.

– До этого уже дошло, – заявил Лев, – у меня вышло очень серьезное столкновение с Вольдемаром, и потому я отказался от поездки. Я вообще не допущу, чтобы он всецело овладевал обществом Ванды, не стану терпеть его повелительный тон и постараюсь при первом удобном случае показать ему это.

– Ты этого не сделаешь, – перебила его мать. – Теперь я больше чем когда-либо придаю значение хорошим отношениям между вами, потому что мы с Вольдемаром поедем в Вилицу.

– В Вилицу? И я должен быть там его гостем и, быть может, подчиняться ему? Ни за что! Я не хочу ничем быть обязанным Вольдемару, и если бы даже от этого пострадало все мое будущее, не желаю ничего от него принимать!

Лоб княгини нахмурился, когда она ответила:

– Если ты из-за пустого каприза хочешь погубить все свое будущее, то еще существую я, чтобы не допустить этого; наше пребывание в Вилице необходимо по некоторым высшим соображениям, и я вовсе не намерена допускать, чтобы мои планы были разрушены благодаря твоей ребяческой ревности. Мы поедем в Вилицу, и ты будешь любезен со своим братом... Я требую повиновения, Лев!

Молодой князь хорошо знал этот тон; ему было известно, что в тех случаях, когда мать прибегала к нему, она непременно настаивала на своем.

– Впрочем, я позабочусь о том, чтобы в будущем не было повода к столкновениям, – продолжала она. – Через неделю мы уедем, и когда Ванда будет у отца, вы все равно не будете видеться так часто. Эта прогулка наедине с Вольдемаром будет последней.

С этими словами она позвонила и приказала вошедшему Павлу отнести письмо. Последнее сообщало графу Моринскому о скором отъезде княгини и готовило его к тому, что

бывшая владелица Вилицы недолго будет пользоваться его гостеприимством, а в скором времени снова поселится в этом поместье.

Глава 7

Лодка, в которой находились Вольдемар и Ванда, летела на всех парусах; море сегодня было довольно беспокойным, и брызги, высоко взлетая, вихрем обдавали катавшихся, но это, по-видимому, мало их трогало.

– Лев, вероятно, нажалуется на нас тете, – сказала Ванда, которой быстрый ход лодки явно доставлял большое наслаждение, – он ушел совсем разозленный. Но вы были очень нелюбезны с ним, Вольдемар.

– Я никому не позволю управлять рулем, когда нахожусь в лодке, – властно проговорил молодой человек.

– А если бы за руль захотела сестра?

Вольдемар, ни слова не говоря, встал, уступая Ванде свое место у руля; девушка расхоталась.

– Я только так спросила; катание не доставит мне ни малейшего удовольствия, если мне придется все время следить за рулем.

Вольдемар снова молча взялся за управление лодкой.

– Куда мы, собственно, направляемся? – после некоторого молчания спросила Ванда.

– К Буковому полуострову; ведь так было условлено.

– Не будет ли это слишком далеко?

– Дует попутный ветер, так что мы через полчаса будем там. Вы ведь хотели отсюда посмотреть на солнечный закат.

Ванда больше не противоречила, хотя нею овладело какое-то неопределенное жуткое предчувствие. Она впервые оказалась наедине с Вольдемаром. Несмотря на свою молодость, графиня, давно угадала, что именно привлекало молодого Нордека в Ц... Он не умел притворяться, и его глаза говорили красноречивее всяких слов. Ей льстило его безмолвное обожание, и ее забавляло, что это поклонение страшно злило Льва; тем не менее, Вольдемар не нравился ей, и она находила его нелюбезным и скучным.

Когда лодка подошла к берегу возле Букового полуострова, Ванда, не дожидаясь помощи своего спутника, выпрыгнула на мягкий белый песок и, сняв шляпу, опустилась на большой, поросший мхом, камень. Молодая девушка была прелестна в своем легком белом платье, украшенном в знак траура по князю Баратовскому черными бантами.

Вольдемар, разместившийся возле нее на гигантских корнях развесистого бука, был, очевидно, того же мнения; он не сводил с нее глаз, не произносил ни слова и как бы пробудился ото сна, когда Ванда обратилась к нему со словами:

– Посмотрите, какое красивое освещение! Море как будто горит с той стороны.

Вольдемар равнодушно посмотрел в указанном направлении.

– Да ведь там погрузилась в воду Винета.

– Что погрузилось в воду? – быстро оборачиваясь, переспросила молодая девушка.

– Винета... Разве вы ничего не слышали об этом? Это – здешняя легенда; я думал, вы знаете ее.

– Нет. Расскажите!

– Я плохой рассказчик, – ответил Вольдемар, – спросите наших рыбаков, они расскажут вам лучше и подробнее, чем я.

– Но я хочу слышать это из ваших уст, – настаивала Ванда, – а потому рассказывайте!

На лбу Вольдемара появились складки; приказание звучало очень повелительно.

– Вы этого хотите? – довольно резко повторил он. Ванда прекрасно видела, что ее тон был ему неприятен, но не менее столь же решительно повторила:

– Да, хочу!

Складки на лбу молодого человека стали еще глубже. Снова наступило одно из тех мгновений, когда он упорно противился чарам, опутывавшим его, но тут его взгляд встретился с темными глазами, которые, казалось, превращали это приказание в просьбу; все его сопротивление улетучилось, морщины на лбу разгладились, и он улыбнулся.

– Ну, хорошо, я расскажу кратко и сухо, как умею. Винета была, по преданию, древней крепостью, столицей народа, владевшего морем и берегами; со всех стран света в нее стекались несметные сокровища, и по роскоши и богатству с ней не мог сравниться ни один город. Однако высокомерие и грехи жителей Винеты навлекли на нее гнев Божий, и она была поглощена морем. Наши рыбаки уверяют, что в том месте, где берег отступает так далеко, Винета в неприкосновенности покоится на морском дне и что под водой видны купола и башни и слышен колокольный звон. По преданию, иногда город снова поднимается из морской глубины и избранные могут его видеть...

– Какая красивая легенда! – перебила его Ванда, – вы не находите?

– Не знаю, я никогда об этом не думал.

– Да ведь вы вовсе не понимаете поэзии! – с отчаянием воскликнула молодая девушка, – это ужасно!

Нордек был совершенно подавлен.

– Вы, действительно, находите это таким ужасным? Но меня никто никогда не учил понимать поэзию. В доме моего дяди эта область совершенно неизвестна, а мои учителя преподавали мне только сухие научные предметы... я только теперь начинаю понимать, что на свете существует поэзия.

Последние слова были произнесены Вольдемаром почти мечтательно, он откинул волосы, низко спадавшие ему на лоб, и прислонился к стволу бука. Ванда при этом заметила, что этот высокий лоб, обычно скрытый «львиной гривой», замечательно облагораживал некрасивое лицо молодого Нордека. На левом виске ясно выделялась очень своеобразная синяя жилка, которой молодая графиня также никогда не замечала раньше.

– Знаете, Вольдемар, какое я только что сделала открытие? – кокетливо спросила она.

– Ну-с? – спросил он, не меняя положения.

– У вас точно такая же синяя жилка на виске, как у тети.

– Неужели? В таком случае это единственное, что у меня есть от матери.

– Да у вас нет ни малейшего сходства с ней, – простодушно ответила Ванда, – а Лев – вылитый ее портрет.

– Лев! – с ударением произнес Вольдемар, – так то – Лев! Это совсем другое дело.

– Почему? Разве младший брат должен иметь какие-нибудь преимущества?

– Почему бы и нет? Он уже имеет то преимущество, что пользуется любовью матери. Я думаю, этого вполне достаточно.

– Вольдемар! – укоризненно воскликнула молодая графиня.

– Разве для вас это ново? – мрачно спросил он. – Я думал, ни для кого не является тайной, какие у меня отношения с матерью; она принуждает себя быть любезной со мной, но не может преодолеть внутреннюю неприязнь ко мне, как и я тоже; значит, нам обоим решительно не в чем упрекать себя.

Ванда молчала; подобный оборот разговора был ей очень неприятен. Но Вольдемар, не замечая этого, продолжал:

– Княгиня Баратовская и я всегда будем чужими друг другу. Вы себе представить не можете, Ванда, чего мне стоит переступить порог этого дома! Это настоящая пытка, и я никогда не думал, что буду в состоянии так терпеливо выносить ее.

– Но зачем же вы это делаете? – неосторожно воскликнула Ванда, – ведь вас же никто не заставляет!

Нордек посмотрел на нее. Ответ так ясно выразался в его глазах, что молодая девушка вспыхнула до корней волос.

– Вы несправедливы к тете, – поспешно ответила она, чтобы скрыть свое смущение. – Она, несомненно, должна любить своего сына.

– О, конечно! Я уверен, что она очень любит Льва, но с какой стати она станет любить меня, а я – ее? С первых лет жизни я лишился отца и матери и воспитывался в чужом доме. Дядя был добр ко мне и по-своему любит меня, но не мог предоставить мне другую жизнь, кроме той, которую вел сам; в том возрасте, когда другие дети учатся любить, мне внушали недоверие и подозрение, от которых я до сих пор не могу отделаться. А вы, Ванда, еще хотите, чтобы я понимал поэзию!

Последние слова прозвучали горьким упреком, а за ними скрывалась глухая жалоба. Ванда широко открытыми глазами смотрела на спутника, которого сегодня совершенно не узнавала, она впервые подумала о том, какое безотрадное было у Вольдемара детство, и как одинок был этот молодой наследник, о богатстве которого она так много слышала.

– Ведь вы хотели посмотреть на закат солнца! – произнес Вольдемар совершенно другим тоном, вдруг оборвав свою речь и подымаясь с места. – Кажется, сегодня он великолепен.

Облака, собравшиеся на горизонте, были уже залиты пурпурным сиянием, и солнце погружалось в море, которое изумительно сверкало, как бы принимая последний привет заходящего светила. Потоки света и блеска разливались по волнам, но там, в другой стороне, где находилась Винета, они горели темно-алым сиянием; в их извилинах как бы сверкало жидкое золото, а на них плясали тысячи ярких искр.

В старых легендах все-таки заключается нечто отличающее их от простых суеверий, и можно быть современным человеком и все же переживать такие часы, когда оживают все эти сказки.

Эти легенды ведь созданы людьми, и их вечные загадки до наших дней покоятся в их сердцах.

Конечно, не каждому открывается это строго замкнутое теперь сказочное царство, но молодые люди, сидевшие на Буковом полуострове, вероятно, принадлежали к избранным, так как явственно ощущали чары, которые незаметно, но властно опутывали их, и ни тот, ни другая не имели силы и мужества бороться с ними.

Над их головами шелестели буки, а у их ног еще сильнее шумело море. Волна за волной катилась к берегу; белая пена на их гребнях на мгновение вздымалась, чтобы сейчас же разбиться о берег. Это была старая мелодия моря, тот напев, сотканный из воя ветра и шума волн, который своей вечной юностью пленяет все сердца. Он говорит о мечтательной, залитой солнцем морской тиши, о вестниках бури, со всеми ее ужасами и бедами, о вечном волнении и жизни, и каждая волна доносит свой собственный звук к берегу, а каждое даже малейшее дуновение ветра созвучно ему.

Вольдемар и его юная спутница, вероятно, понимали этот язык, потому что прислушивались к нему молча, затаив дыхание. Из глубины моря до них доносились звуки колоколов, проникавшие в их сердца, вызывая печаль и тоску, но вместе с тем и предчувствие бесконечного счастья! Над волнами же поднимался яркий призрачный свет; он витал над морем, расплываясь в лучах солнца, сверкающий и ясный; это был целый мир неведомых, неисчерпаемых сокровищ, залитых дивным волшебным светом, старый чудесный город Винета.

Раскаленный шар солнца теперь как бы уже коснулся своим лучистым краем волн; погружаясь все глубже и глубже, он исчезал из глаз, на горизонте в последний раз вспыхнуло его сияние, а после этого все медленно исчезло, и даже темно-красный отблеск, лежавший на воде, начал постепенно бледнеть.

Ванда и Вольдемар, как очарованные, затаив дыхание, молча любовались этим зрелищем.

– Солнце зашло, – тихо проговорила молодая девушка, проводя рукой по лбу, – пора возвращаться.

– Возвращаться? – как во сне повторил Вольдемар, – уже?

Молодая девушка быстро встала, как бы желая отделаться от какого-то пугавшего ее ощущения.

– Уже скоро начнет темнеть, а мы непременно должны быть в Ц. до наступления сумерек, иначе тетя ни за что не простит нам этой самовольной прогулки.

– В ответе буду я, но если вы желаете, вернуться...

– Я прошу об этом.

Молодой человек пошел к лодке, но вдруг остановился.

– Вы скоро уедете, Ванда, через несколько дней? Да?

Этот вопрос был произнесен очень взволнованным тоном. Молодая графиня, очевидно, подметила это, и в ее голосе тоже не было обычной непринужденности, когда она ответила:

– Да, я скоро должна уехать к отцу; он очень соскучился по мне.

– Моя мать и Лев поедут в Вилицу... – Вольдемар запнулся, – был разговор о том, чтобы я их сопровождал... могу ли я сделать это?

– Почему вы спрашиваете об этом меня? – спросила Ванда с несвойственным ей смущением, – ведь это зависит только от вас!..

– Я спрашиваю вас, Ванда, вас одну, можно ли мне приехать в Вилицу?

– Да, – вырвалось у Ванды, но в следующую же минуту она испугалась, так как Вольдемар порывисто схватил ее за руку.

Графиня чувствовала, какое значение он придает этому «да», и это буквально ошеломило ее. Ею вдруг овладел страх. Заметив ее испуг, Вольдемар тихо спросил:

– Я опять был слишком нетерпелив? Вы не должны сегодня сердиться на меня; я не мог перенести мысль о вашем отъезде. Теперь я знаю, что могу снова видиться с вами, и буду терпеливо ждать того времени, когда мы будем в Вилице.

Ванда ничего не ответила. Молодые люди молча направились к лодке. Вольдемар свернул паруса, взялся за весла, и маленькое суденышко стрелой помчалось по волнам, озаренным слабым розовым отблеском.

Глава 8

Выполнение дипломатической миссии, для которой Витольд избрал доктора Фабиана, было вовсе не таким простым. Для того, чтобы иметь возможность узнать, что, собственно, делается в Ц., доктор, конечно, должен был попасть в дом княгини Баратовской, а это могло произойти только при содействии Вольдемара. Витольд ломал себе голову над тем, как бы изложить все дело своему упрямому воспитаннику, чтобы с первых же слов не наткнуться на решительное «нет». Но тут ему совершенно неожиданно помог случай. Княгиня выразила желание лично познакомиться с воспитателем сына. Витольд обеими руками ухватился за эту возможность, и впервые в жизни нашел желание княгини Ядвиги разумным. Он тотчас же напомнил Фабиану его обещание. Последний, все еще надеявшийся, что вся эта затея рухнет благодаря сопротивлению его воспитанника, должен был согласиться на следующий же день отправиться с Вольдемаром в Ц.

Приехав к Баратовским, они застали в гостиной только Ванду, и Фабиан представился ей, правда, очень смущенно, но все же вполне сносно. Молодая графиня, заметив его робость, не могла устоять, чтобы не подтрунить над ним.

– Значит, вы – наставник моего кузена Вольдемара. Выражаю вам свое полное сочувствие и от всей души жалею вас.

Фабиан испуганно посмотрел на нее, потом на Вольдемара, но последний, по-видимому, ничего не слышал, так как на его лице не было заметно ни малейших следов негодования.

– То есть... как это? – пробормотал доктор.

– Я думаю, очень нелегкая задача воспитывать господина Нордека, – спокойно продолжала Ванда, от души потешавшаяся над смущением, вызванным ее словами.

Фабиан со страхом посмотрел на Вольдемара; он знал, что тот не терпит никаких подтруниваний, но молодой человек, к его удивлению, совершенно спокойно опирался рукой на кресло графини Моринской, и на его губах даже мелькнула улыбка, когда он нагнулся к ней и спросил:

– Вы думаете, что я так несносен?

– Конечно! – объявила Ванда, – ведь не далее как третьего дня во время спора из-за руля я имела удовольствие видеть, как вы злитесь.

– Но ведь не на вас! – с упреком произнес Вольдемар.

Фабиан выпустил из рук шляпу. Что за тон раздался из уст его необузданного воспитанника и что означал взгляд, который сопровождал его? Перед глазами бедного Фабиана все завертелось. Несмотря на свою полную неопытность в любовных делах, он начал понимать, «в чем тут, собственно, дело». Так вот почему Вольдемар так быстро примирился с матерью, вот почему он в любую погоду мчался в Ц., и вот где таилась причина его перемены. Витольда, несомненно, хватит удар, когда он узнает всю эту историю. «Дипломатическая миссия», правда, была выполнена в первые же полчаса, но ее результат нагнал такой смертельный ужас на «дипломата», что он забыл все на свете и, вероятно, выдал бы себя, если бы в эту минуту не вошла княгиня Баратовская.

У княгини было немало причин познакомиться с воспитателем сына, который должен был сопровождать его при поездке в университет. Понятно, в течение первых же десяти минут она убедилась в том, что со стороны безобидного Фабиана нечего опасаться какой-либо враждебности и что даже наоборот он может пригодиться ей, сам того не подозревая. Вследствие этого она снисходительно удостоила его своей милостивой благосклонности и вполне одобрила то смирение, с которым он отнесся к этому снисхождению; его робость и смущение в ее присутствии она нашла вполне естественными и сооблаговолила вступить с ним в продолжительную беседу.

С появлением матери Вольдемар снова, как обычно, замолчал. Он почти не принимал участия в общем разговоре и сказал княгине лишь несколько слов. Она тотчас же встала и вышла с ним на балкон.

– Ты хотел поговорить со мной наедине? – спросила она.

– Да! Я хотел сказать тебе, что не имею возможности проводить тебя и Льва в Вилицу, как было условлено.

– Почему? Возникли какие-то препятствия?

– Да, – с недовольством ответил Вольдемар. – Выяснилось, что для утверждения моего совершеннолетия нужно выполнить еще некоторые формальности, требующие моего присутствия. Ни дядя Витольд, ни я до сих пор не подумали об этом. Мне придется остаться на некоторое время.

– В таком случае мы тоже отложим свой отъезд, – сказала княгиня, – но я должна буду отправить Ванду в Раковиц одну.

– Ни в коем случае, – решительно заявил Вольдемар, – я уже написал в Вилицу, что ты приедешь на будущей неделе и чтобы в замке были сделаны необходимые приготовления.

– А ты?

– Я приеду, как только буду свободен. Во всяком случае, до отъезда в университет я пробуду с вами несколько недель.

– Еще один вопрос, – серьезно спросила княгиня, – твоему бывшему опекуну известно это решение?

– Нет. Я говорил только о своем пребывании в Вилице.

– Значит, тебе придется отвечать перед ним за наше пребывание там?

– Я беру это на себя, – коротко произнес Вольдемар. – Впрочем, я сообщил управляющему, чтобы он до моего приезда был всецело в твоём распоряжении; все твои приказания будут исполняться беспрекословно.

– Значит, мы можем наверняка ожидать тебя? – спросила княгиня. – Что касается Льва...

– Он все еще дует на меня из-за нашей ссоры, – перебил ее Вольдемар, – он очень демонстративно ушел к морю, чтобы не встречаться со мной.

Княгиня нахмурилась; Лев получил приказание приветливо относиться к брату и, тем не менее, выказывал строптивость, которая теперь была вовсе некстати.

– Лев очень вспыльчив и неблагодарен, – ответила она, – я позабочусь о том, чтобы он первый протянул тебе руку примирения.

– Не надо, – холодно отклонил Вольдемар, – лучше мы сами решим этот вопрос, не беспокойся!

Они снова вошли в гостиную, где Ванда тем временем конфузила Фабиана. Княгиня выручила его и, желая подробно обсудить план занятий своего сына, увела доктора в свою комнату.

– Бедный доктор, – сказала Ванда, глядя ему вслед, – мне кажется, Вольдемар, что вы в данном случае полностью поменялись ролями. Вы не питаете никакого почтения к вашему учителю, тогда как он очень боится вас.

Вольдемар не стал оспаривать это справедливое замечание, а только ответил:

– Вы находите, что доктор Фабиан представляет собой такую личность, которая может внушить почтение?

– Нет, но он, кажется, очень добродушен и терпелив...

Молодой человек сделал презрительную гримасу.

– Может быть, но это такие черты, которые я совершенно не умею ценить.

– Вас надо тиранить, для того чтобы внушить почтение? – с лукавым взглядом спросила Ванда.

Вольдемар придвинул кресло и опустился рядом с ней.

– Это зависит от того, кто будет тиранить. В Альтенгофе я никому, даже дяде Витольду, не советовал бы пробовать, да и здесь допущу это только с одной стороны.

– Не знаю, – ответила Ванда, – я не хотела бы и пробовать.

Вольдемар ничего не ответил; по-видимому, он был занят совершенно другими мыслями.

– Разве третьего дня вы не нашли, что на Буковом полуострове было прекрасно? – вдруг спросил он.

Девушка слегка покраснела, но ответила прежним шаловливым тоном:

– Я нахожу, что это место, несмотря на красоту, таит в себе что-то жуткое. Что же касается вашей легенды, то я не стану больше слушать ее при заходе солнца, а то, пожалуй, начнешь верить в эти старые сказки.

– Да, – тихо ответил Вольдемар, – вы упрекали меня в том, что я не мог понять поэзию в этой легенде... теперь я тоже научился понимать ее.

Ванда молчала. Она снова боролась с тем смущением, которое было знакомо ей лишь с третьего дня.

Вольдемар тщетно ожидал ответа; ее молчание причиняло ему страдание, а потому он снова заговорил:

– Я только что сообщил матери, что не могу немедленно поехать в Вилицу; я приеду только через три-четыре недели.

– Ведь это очень небольшой срок, – проговорила Ванда.

– Небольшой? Да? Это целая вечность! Вы, вероятно, понятия не имеете о том, чего мне стоит остаться здесь, тогда, как вы уедете! Я обещал вам подождать, пока мы будем в Вилице, но теперь пройдет, может быть, месяц, пока мы снова увидимся. До тех пор я не могу молчать, я не буду в силах вынести то, что вы все время будете находиться в обществе Льва, не будучи уверен, что вы принадлежите мне, только одному мне.

Это признание вырвалось у Нордека так неожиданно и так страстно, что молодая графиня не успела предупредить его. Он схватил ее руку и держал так же крепко, как тогда, на Буковом полуострове.

– Вы давно должны были знать, Ванда, что влекло меня сюда, и вы не отталкивали меня, значит, я могу, наконец, высказаться. Я знаю, что у меня нет данных, чтобы вам нравиться, и что я не такой, как другие, но я приобрету все это. Ведь только ради вас я решил поступить в университет. Ванда, я был одинок в детстве, вы знаете, что у меня не было матери, мне не хватало любви и ласки. Я не мог стать таким как Лев, но любить я могу, быть может, еще горячее, еще лучше, чем он! Вы единственное существо, которое я любил в своей жизни... одно ваше слово заставит меня забыть все мое безотрадное прошлое. Скажи мне это слово, Ванда, дай мне, по крайней мере, надежду, что я когда-нибудь услышу его, но не говори «нет», потому что я этого не перенесу.

Вольдемар опустился на колени, но молодая графиня и не думало теперь радоваться этому триумфу, которого так желала в своем детском легкомыслии. Она мысленно осыпала себя упреками, и в ее душе невольно возник вопрос: «Что я наделала!».

– Встаньте, Вольдемар! – дрожащим от испуга голосом проговорила она, – прошу вас.

– Только тогда, когда я услышу из твоих уст «да».

– Я не могу... не теперь... встаньте!

Однако Нордек не вставал. В эту минуту дверь из столовой открылась, и вошел Лев; в течение нескольких секунд он стоял как вкопанный, но затем у него вырвалось восклицание:

– А, так все-таки!

Вольдемар вскочил; его глаза сверкали от ярости.

– Что тебе здесь надо? – крикнул он брату.

Лев был бледен от внутреннего волнения, но тон, которым был произнесен вопрос, заставил его вспыхнуть. Он быстрыми шагами подошел к Вольдемару и с горящими глазами произнес:

– Ты, кажется, находишь мое присутствие здесь лишним? А между тем я мог бы объяснить тебе только что происшедшую сцену!..

– Лев, замолчи! – полупросительным, полуповелительным тоном воскликнула Ванда.

Однако ревность заставила молодого князя забыть все.

– Я не стану молчать, – возразил он, – я дал слово ничего не говорить до окончания пари, теперь же собственными глазами видел, чем оно кончилось, Сколько раз я просил тебя оставить эту игру, ты знала, что она мне неприятна! Неужели же я должен теперь допустить, чтобы Вольдемар с триумфом указал мне на дверь? Тебе удалось довести его до того, что он встал перед тобой на колени, но пусть же он узнает правду!

Вольдемар при слове «пари» сильно вздрогнул, но все же остался неподвижно стоять, судорожно ухватившись за спинку кресла. Его глаза со своеобразным выражением были устремлены на молодую графиню, и он совершенно упавшим голосом произнес:

– Что... что это значит?

Ванда виновато опустила голову. Лев также почувствовал, что зашел слишком далеко.

– Что это значит? – повторил Вольдемар, подходя вплотную к молодой девушке, – Лев говорит о каком-то пари, об игре. Отвечайте мне, Ванда! Я верю вам, только вам одной... скажите мне, что все это ложь.

– Значит, по-твоему, я лжец? – вспыхнул Лев.

Брат не слушал его; молчание молодой графини говорило ему достаточно; он не нуждался больше в подтверждении. С этим открытием чары разрушились, и снова пробудились вся необузданность и дикость его натуры.

– Я хочу получить ответ! – с яростью крикнул он. – Значит, я, действительно, был только игрушкой, которой вы забавлялись ради каприза? Вы смеялись и издевались надо мной, тогда как я... вы ответите, мне, Ванда, сейчас же ответите.

Он не окончил, но в его тоне и взгляде выражалась такая угроза, что Лев подошел к Ванде, чтобы защитить ее.

Однако ярость Вольдемара вернула ей самообладание.

– Я не допущу, чтобы мне делали выговор в таком тоне, – заявила она.

Звук ее голоса, видимо, заставил молодого Нордека опомниться; его кулаки разжались, но он так плотно сжал губы, словно они не должны были произносить больше ни одного слова. Его грудь тяжело вздымалась от того ужасного усилия, которое он приложил, чтобы подавить свой гнев. Вольдемар покачнулся и ухватился за кресло.

– Что с тобой, Вольдемар? – спросил пораженный Лев. – Если бы я знал, что это так подействует на тебя, то молчал бы.

Вольдемар выпрямился, молча отстранил брата и повернулся, чтобы уйти, вся краска сбежала с его лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.